

Swietlana Waulina
Larysa Kokowina
Kaliningrad

Способы выражения модального значения достоверности в поэме Н.В. Гоголя *Мертвые души* и в ее английских переводах

Среди актуальных направлений современного языкознания традиционно находится сопоставительное изучение языков, интерес к которому значительно возрос в настоящее время в связи с повышением интеграционных процессов в различных сферах общества, в том числе в сфере межъязыковых отношений. Объектом рассмотрения в сопоставительной лингвистике являются различные уровни и элементы языка, среди которых немаловажную роль играют исследования универсальных семантических категорий. К числу таких категорий относится модальность, которая, выражая комплекс сложных смысловых отношений субъекта высказывания с внеязыковой действительностью, „охватывает в языках европейской системы всю ткань речи”¹.

В настоящее время, когда в лингвистике весьма отчетливо проявляются антропоцентрические тенденции, учет человеческого фактора, играющего роль экстралингвистического компонента языковых преобразований, обуславливает активный интерес исследователей к модальности текста, в первую очередь художественного, изучение которого дает возможность выявить не только онтологические, но и аксиологические функции различных модальных значений. При этом исследователи, обращающиеся к сопоставительному анализу данных значений в художественном тексте, неизбежно сталкиваются с необходимостью решения еще одной актуальной для сопоставительной лингвистики проблемы – проблемы адекватности перевода. „Дать адекватный перевод художественного текста, как отмечает Ирена Дашчинска, значит добиться такого уровня перевода, когда

¹ В.В. Виноградов, *О категории модальности и модальных словах в русском языке*, [в:] *Труды Института русского языка*, т. 2, Москва – Ленинград 1950, с. 39.

он оказывает адекватное подлиннику эмоциональное воздействие на читателя и содержит ту же семантическую и стилистическую информацию, какую находим в исходном тексте”².

В данной статье представлены результаты сопоставительного функционально-семантического анализа модального значения достоверности, проведенного нами на материале поэмы Н.В. Гоголя *Мертвые души* и ее двух английских переводов, выполненных Д. Хогартом (в тексте статьи – первый перевод) и Р. Магауйром (второй перевод).

Значение достоверности относится к числу основных модальных значений, которое многие лингвисты выделяют в самостоятельный тип модальности, имеющий различные терминологические обозначения: персуазивная модальность, эпистемическая модальность, модальность достоверности. Мы склонны согласиться с мнением Елены Беляевой о том, что термин „модальность достоверности” является наиболее информативным, потому что в нем „во-первых, содержится указание на оценочный характер данной категории, во-вторых, отражена семантическая основа оценки – степень осведомленности говорящего о связях и отношениях действительности”³.

Согласно толковым словарям русского языка, достоверность – свойство по прил. *достоверный* – ‘не вызывающий сомнений, подлинный, реальный’⁴. С философской точки зрения, „достоверность – понятие, характеризующее знание как твердо установленное, исключающее сомнение. В субъективном плане достоверность является формой осознания человеком истины”⁵. Степень осознания субъектом достоверности того или иного события может быть различной – от бесспорного признания его истинности до полной неуверенности в последней. В первом случае речь идет о так называемой категорической достоверностью, во втором – о проблематической. Оценка субъектом той или иной степени достоверности сообщаемого „положения дел” в языке фиксируется по-разному.

При этом ситуации категорической и проблематической достоверности, необходимо отличать от ситуаций простой имплицитной достоверности, когда субъект высказывания (говорящий) считает, что утверждение или

² I. Daszczyńska, *Frazeologia wojennych powieści Konstantina Simonowa w konfrontacji z polskimi przekładami*, Słupsk 1982, с. 13.

³ Е.И. Беляева, *Достоверность*, [в:] *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*, Ленинград 1990, с. 157.

⁴ *Словарь русского языка*, т. 1, Москва 1981, с. 437.

⁵ *Современный философский словарь*, Москва 1998, с. 212.

отрицание связи предикатных предметов не нуждается в обосновании. Данная ситуация выражается в русском языке с помощью повествовательных предложений с глаголами в изъявительном наклонении и не содержит эксплицитных маркеров достоверности. Ср.: „Покой *был* известного рода, ибо гостиница *была* тоже известного рода, то есть именно такая, как *бывают* гостиницы в губернских городах” (316)⁶; „Какие *бывают* эти общие залы – всякий проезжающий *знает* очень хорошо” (316). В тексте английского перевода предложения строятся подобным же образом. Ср.: „The said bedchamber *was* of quite ordinary appearance, since the inn *belonged* to the spices to be found in all provincial towns” (I, 6)⁷; „The appearance of the common parlours of the kind *is known* to everyone who travels” (I, 7); „The chamber *was* of a certain kind, for the hostelry *was* also of a certain kind, that *is* precisely the way all hostelries *are* in provincial capitals” (II, 6)⁸; „As to what these common rooms *are* like, any traveler *knows* very well” (II, 7). Из приведенных примеров видно, что имплицитный способ выражения значения достоверности в английском языке мы наблюдаем при употреблении глаголов в формах настоящего и прошедшего времени. Оценка же достоверности описываемого „положения дел”, обращенного к будущему времени, в английском языке, в отличие от русского, выражается эксплицитно – чаще всего посредством модальных глаголов *will*, *could*, *may*, имеющими значения возможности, вероятности осуществления действия. Ср.: „«Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «*Доедет*», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань *не доедет*», – отвечал другой” (315) „«Look at that carriage», one of them said to the other. «Think you it *will be going* as far as Moscow?» «I think it *will*» replied his companion. «But not as far as Kazan, eh?». «No, not as far as Kazan»” (I, 5); „«Hey» said one to the other, «Look at that there wheel! you think that wheel *could make it* as far as Moscow if it *had to*, or *couldn't it*?». «It *could*» replied the other, «But not as far as Kazan, I bet?». «Not as far as Kazan it *couldn't*» replied the other” (II, 5).

⁶ Здесь и далее цит. по изданию: Н. Гоголь, *Повести. Пьесы. Мертвые души*, Москва 1975. В круглых скобках указывается номер страницы, из которой извлечен пример.

⁷ Здесь и далее цит. по изданию: Nikolai Gogol, *Dead Souls*, translated by D.J. Hogardh, Dover Publications. New York 2003. В круглых скобках после римской цифры I указывается номер страницы, из которой извлечен пример.

⁸ Здесь и далее цит. по изданию: Nikolai Gogol, *Dead Souls*, translated by Robert A. Maguire, Penguin Books. London 2004. В круглых скобках после римской цифры II указывается номер страницы, из которой извлечен пример.

Наиболее часто в тексте поэмы подобные примеры (имплицитность выражения достоверности в русском языке – эксплицитность в английском) встречаются в лирических отступлениях, что вполне объяснимо, поскольку данные отступления содержат размышления о жизни и мечты о грядущих событиях. Ср.: „[...] везде хоть раз *встретится* на пути человеку явление, не похожее на все то, что случалось ему видеть дотоле, которое хоть раз *пробудит* в нем чувства, не похожие на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь. Везде [...] весело *промчится* блистающая радость” (384); „Everywhere in life [...] a man *may happen* upon some phenomenon which is so entirely different from anything hitherto known to his experience that *arouses* in him feelings different from those which have hitherto fallen to his lot. Everywhere [...] there *may suddenly break* a clear, radiant thread of joy” (I, 83); „Everywhere, if but once, a person *will encounter* a phenomenon on his journey that is unlike anything he has chanced to see heretofore and that, at least once *will awaken* in him a feeling unlike any he is fated to feel for the rest of his life. Everywhere [...] a resplendent joy *will gaily flash*” (II, 101).

Ситуация категорической достоверности предполагает, что у говорящего есть достаточные причины для подтверждения истинности содержания высказывания и он „настаивает на своей оценке информации, заключенной в предложении”⁹. Категорическая достоверность в оригинальном тексте поэмы *Мертвые души* представлена вводными словами *действительно, правда, конечно, на самом деле, верно, точно, да, впрямь, ведь, ей-богу* и др.

Ограниченный объем статьи позволяет рассмотреть лишь некоторые из перечисленных модальных модификаторов. Наиболее частотным в русском тексте поэмы является модификатор *конечно*, в ее английских переводах используется прямой эквивалент *of course* (как правило, им пользуется второй переводчик) или близкие аналоги, например, *naturally* – ‘конечно, естественно’. Ср.: „Хотя, *конечно*, – они лица не так заметные, и то, что называют второстепенные или даже третьестепенные” (325) – „*Naturally*, they were not persons of much note, but merely what folk call characters of secondary, or even of tertiary, importance” (I, 17); „Although as characters they are not, *of course*, so prominent, but are rather what is called secondary or even tertiary” (II, 19).

Иногда в текстах перевода лексема *конечно* трансформируется в союз *yet* – ‘однако, всё же’, что снижает категоричность высказывания, хотя,

⁹ В.А. Белашапкина, *Современный русский язык*, Москва 1997, с. 773.

следует отметить, что по степени эмоционального воздействия это довольно сильный союз, поскольку он употребляется в тех случаях, когда нужно сообщить дополнительный факт, сильно контрастирующий с тем, что было сказано ранее. Ср.: „Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий”(330) – „Yet it may be remarked that a household requires other pursuits to be engaged” (I, 23); „Of course, it could be noted that in a house many other things need attending” (II, 27).

Ещё один приём перевода лексемы *конечно* – это грамматическая замена: в приводимом ниже примере вводное слово заменяется конструкцией *as...as* с качественным прилагательным после первого *as* и другим прилагательным или квалифицирующей фразой после второго *as*. При этом значение категоричности снижается и высказывание приобретает описательный характер. Ср.: „[...] хотя чубарому коню, конечно, хотелось бы выслушать что-нибудь наставительное [...]” (358) – „[...] although the skewbald was *as ready as usual* to listen to conversation of a didactic nature [...]” (I, 54); „[...] although the dappled horse would *of course* have liked to hear some edifying [...]” (II, 64).

Второе место по частотности употребления в поэме занимает экспликатор *точно*. В тексте второго перевода ему соответствует словосочетание *in fact* – ‘фактически, на самом деле’. Первый же переводчик в большинстве примеров использует прием опущения, то есть вообще никак не переводит слово *точно*. Ср.: „Прошедши порядочное расстояние, увидели, *точно*, границу, состоявшую из деревянного столбика и узенького рва” (370) – „At length, when a considerable distance had been covered, that caught sight of a boundary-post and a narrow ditch” (I, 67); „Having walked a fair distance, they *did in fact* see a boundary, which consisted of a wooden stake and a narrow ditch” (II, 81).

Интересным с точки зрения адекватности перевода представляется нижеследующий пример, в котором речь идёт о знаменитой шкатулке Чичикова, точнее об одном из её ящичков: „Он всегда так поспешно выдвигался и задвигался в ту же минуту хозяином, что *наверно* нельзя сказать, сколько было там денег” (355). В данном примере слово *наверно* является синонимом слова *точно* и подразумевает, что нельзя было с уверенностью сказать, сколько денег находилось в шкатулке. Этот факт хорошо отразил в своём переводе второй переводчик, использовав наречие *for sure* – ‘наверняка, без сомнения’. Ср.: „It was always pulled out and pushed back in by the owner so quickly that there was no telling *for sure* how much money it contained” (II, 60). Первый же переводчик вообще не перевёл

данное предложение, видимо, посчитал описание шкатулки Чичикова излишне детальным. Такой подход явно нарушает интенцию оригинала, поскольку в данном отрывке описывается отношение Чичикова к деньгам, а это важная черта в понимании его характера.

Категорическая достоверность эксплицируется в тексте поэмы *Мёртвые души* и междометиями *право, ей-ей, ей-богу*. Для перевода междометия *ей-богу* использовались эквиваленты *by God* – ‘клянусь богом’ и *I swear* – ‘клянусь’. Ср.: „*Ей-богу, повесил бь*», – повторил Ноздрёв” (374) – „*By God, I would hang you!*» – repeated Nozdrev” (I, 72); „*I swear, I’d hang you*», Nozdyov said again” (II, 87). Гораздо более трудные переводческие задачи приходилось решать обоим переводчикам, когда следовало передать значение категорической достоверности в высказываниях, содержащих несколько модальных экспликаторов, особенно, если они принадлежат к разговорному, национально-окрашенному слою русской лексики. В этом случае оба переводчика прибегали к приёму лексико-грамматических трансформаций и описательному переводу всего фрагмента текста-оригинала, используя эмоционально окрашенные аналоги для перевода междометий. Ср.: „– Представь: снилось, что меня высекли, *ей-ей!* [...] – *Ей-богу!* да пребольно! Проснулся: чёрт возьми, *в самом деле* что-то почёсывается, – верно, ведьмы блохи” (377) – „Likewise, as the effect of last night’s doings, a whole squadron of soldiers seemed to be camping on my chest, and giving me a flogging. *Ugh!* [...] «I felt so ill» went on Nozdrev. «And just after I had fallen asleep something *did* come and sting me. Probably, it was a party of hag fleas»” (I, 75); „Fancy this: I dreamed I’d been flogged, *no kidding!* [...] «*No kidding!* And it really hurt! I woke up, the Devil take it, something *really* was itching, probably fleas, those witches»” (II, 91). Второй переводчик оба междометия (*ей-ей* и *ей-богу*) передаёт формулой *no kidding* – ‘без шуток, серьёзно’, выполняющей в английском языке функцию усиления достоверности высказывания. Перевод можно рассматривать как адекватный, но национальный колорит исчезает. Первый переводчик на месте русского междометия *ей-ей*, репрезентирующего значение уверенности, помещает английское междометие *ugh*, выражающее отвращение, ужас и использующееся как восклицание, когда человек видит что-то неприятное. Данное междометие больше соответствует русскому *тьфу* или *ах*. Но, поскольку первый переводчик полностью перестроил данный фрагмент текста, употребление данного междометия оправдано с тех позиций, что оно правильно отражает

состояние героя поэмы (Ноздрёва), который, действительно, проснулся с далеко не приятными ощущениями.

Таким образом, можно сделать вывод, что в текстах перевода значение категорической достоверности передается с помощью эквивалентов или близких по значению вариантных соответствий, а также используется прием грамматической замены. При этом наибольшую трудность вызвал перевод междометий, принадлежащих в разговорно-просторечному регистру речи.

Ситуация проблематической достоверности возникает в условиях неполного знания, когда говорящий не уверен или сомневается в информации, представленной в высказывании. Проблематическая достоверность в оригинальном тексте поэмы регулярно выражается модификаторами *кажется, вроде (бы), может быть, как будто, что ли, вряд ли, едва ли* и др.

Одним из самых частотных модификаторов данного значения является вводное слово *кажется*. Ср.: „О себе приезжий, *казалось*, избегал много говорить” (320). Использование данного модального экспликатора в тексте Гоголя очень значимо: Чичиков – обтекаемый персонаж, непонятно, говорил он о себе много или нет, но создается впечатление (на что и указывает экспликатор), что не говорил. В тексте первого перевода эта неопределенность, размытость утрачивается. Значение противопоставления, которое появляется в переводе, создается за счет введения логического коннектора *however* – ‘однако’, отсылающего нас к предшествующему контексту, и мы получаем две уверенные констатации фактов: о других говорил, а о себе – нет. Модальные оттенки исходного текста нарушаются. Ср.: „Of himself, *however*, the traveler had spoken little” (I, 11). Второй переводчик сохраняет соответствующий модальный смысл, используя глагол *seemed* – ‘казалось’, точнее, его несколько интерпретированную версию *so it seemed* – ‘как это казалось’. Ср.: „The newcomer avoided talking very much about himself, or *so it seemed*” (II, 11).

Нарушение модального смысла высказывания исходного текста мы наблюдаем и в следующем отрывке. Описывая беспорядок в комнате, автор высказывает мнение, что, возможно, комнату и не убрали, однако в текстах перевода значение неуверенного предположения заменяется более уверенным посредством использования наречий *clearly* и *apparently* – ‘ясно, очевидно’. Ср.: „В комнате были следы вчерашнего обеда и ужина; *кажется*, что половая щётка не притрагивалась вовсе” (377) – „*Clearly* no broom had yet touched the place, for there remained traces of the previous

night's dinner and supper in the shape of crumbs strewn over the floor and tobacco ash on the tablecloth" (I, 76); „The room contained traces of yesterday's dinner and supper; *apparently* nothing had been touched by the broom" (II, 91).

В тексте поэмы *Мертвые души* проблематическая достоверность довольно часто выражается также посредством модальных частиц в составе вопросительных предложений. В русском языке это могут быть „типы вопросов, которые в эксплицитной или имплицитной форме содержат пропозитивную часть”, или „предположительно-вопросительные высказывания, первая часть которых выражает предположение или мнение говорящего, а вторая часть, имеющая вопросительную интонацию, содержит апелляцию к слушателю, вовлекая его в обсуждение выдвигаемой говорящим гипотезы”¹⁰. В английском языке аналогичную функцию выполняет разделительный вопрос (*disjunctive or tag question*). Следует обратить внимание на то, что в русском языке в подобных вопросах часто используются частицы *разве*, *неужели*, *что ли* и т.п., выражающие значения неуверенности, сомнения, предположения. Ср.: „Что ж *разве* это для вас дорого?” (392) – „Yes. Is that too much for you?” (I, 91); „What's the matter, is that too high for you?” (II, 112); „Виноват *разве* я, что не играю?” (376) – „Am I *any way* at fault for declining to play cards?” (I, 74); „Is it *really* my fault that I don't play?” (II, 90); „Да что же я дурак *что ли*?” (376) – „What do you mean, you fool?” (I, 74); „But what do you take me for, a fool?” (II, 89). Представленные примеры показывают, что в текстах перевода использован приём логической трансформации. Частица *разве*, например, передается усилением слова *дорого* с помощью наречия *too* – ‘слишком’, что можно рассматривать как адекватную замену. Частица *что ли* при переводе не сохраняется. Утверждение звучит категорично и уверенно, адекватность перевода нарушена.

Таким образом, проведенный анализ показал, что для выражения модального значения достоверности в его семантических разновидностях (категорическая и проблематическая достоверность) в оригинальном тексте поэмы Н.В. Гоголя *Мертвые души* используются разнообразные языковые экспликативы: вводные слова, частицы, междометия. Данные модификаторы передаются в английском переводе с помощью эквивалентов или близких по значению вариантных соответствий, как правило, это модальные глаголы или лексемы с модальной семантикой. Кроме того, используются приемы лексико-грамматической трансфор-

¹⁰ Е.И. Беляева, *Достоверность...*, с. 158–162.

мации и целостного преобразования. При этом в переводных текстах поэмы не всегда достигается адекватность перевода, приводящая в ряде случаев к обеднению содержания произведения, а иногда и к искажению авторских интенций. Это еще раз служит дополнительным подтверждением того, что модальность является сложной семантической категорией и средства ее выражения при переводе на другой язык требуют от переводчика большого мастерства.

Streszczenie

*Sposoby wyrażania modalnego znaczenia wiarygodności
poemacie N. Gogola „Martwe dusze” i jego tłumaczeniach angielskich*

W artykule na materiale oryginalnego tekstu poematu Nikolaja Gogola i dwóch jego tłumaczeń angielskich rozpatruje się środki wyrażania szczegółowych znaczeń inwariantnego modalnego znaczenia wiarygodności – kategorycznej i problematycznej; ustala się skalę międzyjęzykowej ekwiwalentności semantycznej tych środków, sprzyjających adekwatnemu odebraniu intencji autora w tekstach tłumaczeń angielskich danego poematu.

Słowa kluczowe: kategoria modalności, modalność wiarygodna, wiarygodność kategoryczna i problematyczna, tekst artystyczny, analiza porównawcza, ekwiwalencja językowa.

Summary

*Expression of modal meaning of reliability in N.V. Gogol's
poem „Dead Souls” and in its English translations*

Based on the original text of Nikolai Gogol's poem and its two English translations, the article examines the means of expression of specialized meanings of the invariant modal meaning of reliability – categorical and problematic reliability; establishes the degree of the inter-language semantic equivalence of these means, promoting the adequate perception of the author's intentions in the English translations of the poem.

Key words: category of modality, modality of reliability, categoric and problematic reliability, fiction, comparative analysis, inter-language equivalence.